

Ив. Бунинъ

„Пушкинскія торжества“

Страшные дни, страшная годовщина — одно изъ самыхъ скорбныхъ событийъ во всей исторіи Россіи, той Россіи, что дала Его. И сама она, — гдѣ она теперь, эта Россія?

«Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія».
— О, если бьъ узы гробовыя
Хоть на единый мигъ земной
Поэтъ и Царь расторгли нынѣ!

Ив. Бунинъ.

Бор. Зайцевъ

Явленіе Пушкина

Чудомъ кажется для Россіи Пушкинъ, Гоголь, Толстой, Достоевскій — естественныя произрастанія нашей земли. Какъ и Тургеневъ, Тютчевъ, выражаютъ они сердцевину русской души, каждый въ мѣру отпущеннаго. Нельзя не восхищаться Толстымъ, но достаточно взглянуть на его лицо, прочесть главу «Войны и Мира», чтобы все стало ясно.

Толстой насквозь проросъ Россію и она обняла его нерасторжимо.

Но нельзя понять, откуда въ небольшомъ, задорномъ челоѣкѣ съ курчавой головой и бакенбардами, дѣтищъ русской знати съ примѣсью «арапской» крови, въ странѣ тяжело-вѣсной, невеселой, при ея снѣгахъ, просторахъ, сумрачномъ величьи — могъ появиться укрощенный Аполлономъ Діонисъ? Почему вышло такъ, что Россія показала, на зарѣ новаго своего бытія, средь «топи и благи» видѣніе совершенной гармоніи, возникнувшей надъ «безстыднымъ бѣшенствомъ желаній»? Рафаэль съ Ватиканскими стандами надъ огнемъ страстей? — ко всему принаикающей, со всего «берущій», претворя въ стройность? Такой стройности, какъ и такого «лишь — художническаго» въ чувствѣ бытія наша литература не знала, ни раньше его, ни позже.

Въ Италіи Возрожденія не удивляешься Аріосто или Рафаэлю, но нашъ Пушкинъ въ Николаевской Россіи...

Его значеніе больше мѣстно — русскаго. Мірѣ мало его знаетъ изъ за невозможности внимать на непонятномъ языкѣ «пѣнью сладкозвучныхъ строфъ». Но самъ «звукъ» Пушкина имѣетъ нѣкоторый всемірный тонъ, какъ и у Рафаэля, и Моцарта. Толстой — всесвѣтлый выразитель «русскаго». Пушкинъ на русской почвѣ носитель всечеловѣчески — аріэлевскаго. Онъ очень русскій, но залетный гений. Онъ такъ кометою и просверкнулъ въ Россіи. Рано пришелъ, рано ушелъ.

И вотъ новая загадка: самый личный, самый безудержный «художникъ», Пушкинъ вдругъ сталъ сейчасъ кумиромъ той Россіи, которая чуть было вдребезги не разбила самую его лиру и все, съ нею связанное. Но — опомнилась... Какъ будто болѣе другихъ дошелъ онъ вновь до родины.

Въ добрый часъ. Если и не одной Россіи онъ принадлежитъ, то да будетъ ей вновь свѣтлой утренней звѣздой. Пора бросать потемки. Пора стать скромными, умыть лицо, слѣдить звѣзду.

Бор. Зайцевъ.

Константинъ Коровинъ

Воспоминанія дѣтства

Многимъ бы хотѣлось видѣть Пушкина. А бабушка моя, Екатерина Ивановна Волкова, видѣла его. И много говорила мнѣ и брату моему, когда мы были дѣтьми. Говорила объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, что это былъ самый умный челоѣкъ Россіи. И часто говорила намъ о немъ. И мнѣ представлялся онъ красавцемъ, на бѣломъ конѣ, какъ наша лошадь Сметанка, и въ каскѣ съ перьями. А бабушка сказала мнѣ, что нѣтъ, онъ былъ маленькаго роста, дгорбленный, курчавый блондинъ, съ голубыми большими глазами, блестящими, будто на нихъ были слезы. Серьезный, никогда не смѣялся. Одѣтъ былъ франтомъ, носилъ большое кольцо на пальцѣ и смотрѣлъ въ золотой лорнетъ. За чѣмъ это, — подумалъ я, — маленькаго роста? Неправда, что бы мнѣ ни говорили. Мой дѣдъ, Михаилъ Емельяновичъ, былъ огромнаго роста, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы и Пушкинъ былъ такой же, и приносилъ бы мнѣ игрушки. Но мнѣ всегда нравилось, когда бабушка читала мнѣ Пушкина. И я, слушая, сидя на лежанкѣ, думалъ: а вѣдь его убили. Какъ это гадко!

Несказанно я любилъ слушать бабушку, когда она читала Пушкина. И все какъ то было полно имъ: и вечеръ, и зимняя дорога, тройка, когда меня взялъ съ собой мой дѣдъ въ Ярославль, дорога, остановка на постояломъ дворѣ, калачи, поросенокъ, икра, и мѣсяцъ, и страшный лѣсъ на дорогѣ. И нравился мнѣ Пушкинъ. Какъ вѣрно и хорошо онъ написалъ про что-то, все самое мое любимое.

И я зналъ уже много его стиховъ наизусть. Изъ дому дѣда, на Рогожской улицѣ, уходилъ на сосѣдній большой дворъ, къ ямщикамъ, въ ямскую избу, гдѣ было тепло, пахло шамп. Такие хорошіе ямщики, отдыхали, сидѣли, пили чай. Ёли баранки, ситный. И любили меня, хозяйскаго внука. Я всей душой любилъ ямщиковъ. Я имъ говорилъ наизусть:

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ....
И видѣлъ — нравилось ямщикамъ.

— Ну-ка, — говорили они мнѣ, — скажи Костя, вотъ ему... про разгулье удалое, ай сердешную тоску... Какъ это, скажи-ка...

Ямщики слушали.
Одинъ изъ нихъ, Игнатъ, съ черной бородой, часто просилъ меня:

— Скажи, да скажи... про старушку родную...

Тогда я ему говорилъ стихи:

— Буря мглою небо кроетъ...

Игнатъ плакалъ. Всегда плакалъ.

Поразило меня однажды, что пріятель отца моего, судебный слѣдователь Поляковъ, сказалъ про Пушкина: баринъ, камеръ - юнкеръ. И что-то нехорошо говорилъ. Я сказалъ бабушкѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ.

— Поляковъ не любитъ Пушкина.

— Да, — отвѣтила она, — не слушай его. Онъ нигилистъ.

Я не понималъ, но подумалъ: нигилистъ — это должно быть вродѣ дурака.

Странно, что Ларіонъ Михайловичъ Пряничниковъ, впоследствии художникъ, родственникъ нашъ, часто бывая въ домѣ у насъ, тоже не любилъ Пушкина, тоже сказалъ: камеръ - юнкеръ!

Мой дѣдъ былъ именинникъ. Лежалъ въ

постели, прихварывалъ. Утромъ я пришелъ къ нему и сказалъ стихи:

Птичка Божія не знаетъ...

Онъ меня поглядилъ по головѣ и, смотря добрыми глазами, сказалъ мнѣ:

— Это, Костя, хорошій баринъ сочинилъ.

Потомъ, вздохнувъ, сказалъ:

— Эхъ, грѣхи, грѣхи. Ты, Костя, когда молишься на ночь — то поминай и его. Онъ вѣдь, былъ добрый, какъ Божій серафимъ.

Мученикъ — вѣдь его убили.

Вотъ, — думалъ я, — что такое.

— Дѣдушка, — говорю я, — а Игнатъ...

ему сказалъ стихи, а онъ заплакалъ.

— Ишь ты, — удивился дѣдъ. — Онъ, Игнатъ, хорошій мужикъ. Бѣдный, бездомный. Пьетъ только чаенъко...

Почему то дѣдъ запретилъ мнѣ ходить въ ямщичью, къ ямщикамъ.

— Есть, — говоритъ, — запойные... Всякаго слушаешься. Не надо, — говоритъ, — ходи тебѣ туда.

Когда дѣдъ умеръ, то послѣ я спросилъ свою няню Таню:

— Вотъ, дѣдъ мнѣ велѣлъ молиться о Пушкинѣ.

— А кто онъ тебѣ доводится? — спросила няня - Таня.

— Онъ, серафимъ отъ Бога былъ, камеръ юнкеръ убитый.

— Ишь ты! — вздохнула няня.

Ну, няня сказала:

— Молись такъ: Помини Господи во Царствіи Твоемъ раба Твоего камеръ - юнкера Серафима.

Я на ночь, стоя на колѣняхъ въ постели поминалъ дѣда, покойную сестру и добраго убиеннаго «камеръ - юнкера Серафима».

Константинъ Коровинъ.

Lolo

Золотая розсыпь

Голова давно ужъ въ серебрѣ,
И не тѣшатъ праздничныя трели,
Мы горимъ въ бѣженскомъ кострѣ,
Но еще какъ - будто не сторѣли...

Снимъ — и видимъ милый отчій домъ, —
Изъ тюрмы воздушный строишь теремъ
Все еще чего-то жадно ждемъ,
Все еще во что - то страстно вѣрнемъ...

Есть у насъ любимый уголокъ,
Гдѣ хранимъ минувшаго осколки...
Книги въ рядъ стоятъ на пыльной полкѣ
Золотая розсыпь гениальныхъ строкъ!

Это — Пушкинъ, наше утѣшенье,
Яркій свѣточъ — въ сумракѣ ночномъ!
Съ нимъ забудемъ горе и лишенья,
Жить и мыслить сызнова начнемъ.

Наши рѣчи, ветхія одежды
Засіяютъ. Нѣтъ былой тоски...
Гдѣ-то, тамъ мерцаютъ огоньки,
Воскресають старья надежды...

Созидаютъ сказочный чертогъ,
Точно въ милой дѣтской сказкѣ,
И пылаютъ радостныя краски, —
И во храмѣ свѣтлый рѣтегъ Богъ.

Вѣрю, вѣрю близокъ часъ разсвѣта,
Вѣрю, — край родимый не умретъ,
Не умретъ великій нашъ Народъ,
Давшій намъ безсмертнаго поэта,
Нашей славы дѣвственный истокъ, —
Золотую розсыпь гениальныхъ строкъ!

Lolo.